

Многие жители Петергофской дороги, рано направлявшиеся по своим делам, с удивлением видели, как вдоль ограды Александрии идёт сам Государь-Освободитель, гордо выгуливающий свою тёмно-золотую собаку невиданной породы в полном одиночестве, без охраны и без филеров. На дворе тогда стоял тысяча восемьсот восьмидесятый год...

А в 1898 году в книжный магазин Вольфа на Невском зашёл отнюдь не аристократического вида молодой человек и попросил «Руководство по натаске охотничьих собак». Купленная книга была немедленно выслана в далёкое сибирское село, где по ней некий бывший товарищ присяжного поверенного, отбывавший там ссылку, быстро натаскал своего ирландского сеттера. Фамилия этого охотника была Ульянов...

Столь широкое — от императора до ссыльного — распространение ирландского сеттера в России, стартовавшее в самом начале восьмидесятых годов позапрошлого века, в общем, неудивительно; ирландский сеттер — одно из лучших созданий нашей матушки природы. Человек, один раз увидевший эти темно-ореховые всепонимающие глаза, в которых дрожит, отражаясь, рыжий огонь, эту подвижную, волнующуюся, атласную пластику ирландца, не сможет забыть его никогда и в растерянности, будучи лишён слов для выражения бескорыстного восхищения перед Красотой,

Толстой со своей любимицей

самых скрытых движений человеческой души, без которых немислим удачный совместный труд. Ведь успех на охоте зависит в равной степени от обоих.

Вспомните, борзые работают в смычке, гончие в своре, от норных собак требуется, помимо чутья, лишь нерассуждающее бесстрашие, и только труд легавой уникален, тонок, виртуозен. Она идёт одна, ревностно воплощая все свои навыки, всю неукротимую охотничью страсть и все чаяния своего хозяина. И малейшее его настроение, сомненье, упрёк или радость, мгновенно передаются собаке. И ей, поглощённой вожделённым запахом, надо тут же суметь правильно отреагировать на получаемую таким образом информацию. Результаты налицо или, вернее, на морде: ни у какой другой породы вы не встретите столь умного, столь понимающего и прощающего взгляда, ибо подлинный ум всегда склонен прощать слабости и недостатки другого.

Вероятно, именно это сочетание красоты и ума привлекло к ирландцам внимание не только членов царской фамилии и русской аристократии, но и русских писателей. Но даже несмотря на то, что по Петербургу и России гремели имена Дизарда графа Шереметьева и Джиоконды графа Воронцова-Дашкова, вряд ли

будет повторять и повторять лишь одну восторженную фразу: «Надо же, какая красивая собака!». И он ошибётся только в одном: ирландец — собака ещё и умная. Природа щедро одарила это своё детище не только безукоризненностью формы, но и совершенством содержания. Как известно, из всего многообразного собачьего мира наиболее высоким интеллектом отличаются именно охотничьи собаки как существа, исторически и функционально больше всего приближенные к человеку и на протяжении долгих веков помогающие ему. И ничего удивительного здесь нет: совместная работа за многие годы развила в охотничьих собаках необычайное понимание

кто-нибудь знал о том, что тесть Льва Николаевича Толстого, дворцовый доктор Берс, сам великий поклонник ирландцев, долго добивался у императора Александра II разрешения повязать свою сучку с его вывозным кобелём. (Причем, как шёпотом передавали друг другу знатоки, кобель был не очень-то чистокровным! Впрочем, происхождение этой породы вообще покрыто мраком неизвестности, если не считать древнеирландского *modder rhu* — красная собака и английского *setting dog* — лежачая. Окончательный стандарт был выработан лишь в 1885 году.)

А.А. Блок в Шахматове. 1909 год

Однако собаку от этой вязки взял себе сам Толстой, полюбивший её так, что позволял ненаглядной своей Доре цениться прямо на том знаменитом кожаном диване, где родился он сам! Другой же русский романист, известный соперник графа по охоте и литературе, первый подметил, что ирландский сеттер — единственная собака, которая умеет улыбаться, и не преминул изобразить это в одном из рассказов «Записок охотника». А ещё один поэт русской охоты, Некрасов, не только прославил её в стихах, но и умудрялся держать в приёмной журнала «Современник» целых восемь легавых, среди которых были и ещё тогда редкие ирландцы!

Держал ирландских сеттеров и знал в них толк автор знаменитой «Свадьбы Кречинского» Сухово-Кобылин, а роман другого поклонника сеттеров — Дрянского — «Записки мелкотравчатого» был настольной книгой не только любого охотника, но и образованного человека.

Время шло, и из собаки, доступной лишь помещикам (стоили они до ста фунтов стерлингов за пару, то есть по дореволюционным ценам — больше двух тысяч рублей), ирландец стал собакой интеллигенции. Даже такой небогатый человек, как Александр Блок, мог позволить себе держать рыжее чудо, о чём и свидетельствует известная фотография 1909 года, где поэт снят в красной рубашке в обнимку со своим любимцем. А сколько строк в своих письмах посвятил ирландцам Бунин, а как тонко описывал их Пришвин!

Памятник Бунину в Воронеже

К. Коровин. Любимая собака

В начале XX века Петербург стал воистину столицей ирландцев, большая часть которых держалась на Петербургской стороне, может быть, в силу её близости к Островам. Специальные журналы, выставки под августейшим покровительством Великого Князя Николая Николаевича-младшего и с судейством брата одиозной Кшесинской, испытания, которые читаются сейчас, как увлекательный роман: «Бенмор красиво проверяет верхом, но птицу не слышит, ведёт на глазок и, хотя замечателен по ладам, очень изнежен»; или: «Суетливая сука Пипистрелла долго водила бекаса и, наконец, спорола — большим чутьём не одарена, но с задатками».

Когда же грянул семнадцатый год, все несчастья, выпавшие на долю хозяев, коснулись и сеттеров. Вероятно, немногие знают, что свою ненависть к барам крестьяне перенесли на породистых собак, зверски убивая их и вешая. Сеттеров ещё пытались спасти, намеренно уродуя их, отрубая хвосты, обрезая уши, чтобы выдать за дворняг и вывезти за границу. Увы, большая часть всех этих золотых Юнг-Россморов, Гленкаров, Альдвортов и Авелин вынуждена была, как пишет Константин Коровин (тоже, кстати, державший ирландца), скитаться по городу «печальными в своём отчаянии, потерянными и нарушавшими свою первую заповедь — любовь к человеку».

Победившая революция не могла вынести Красоты и предпочла её уничтожить. Через двадцать лет последних, чудом оставшихся в живых ирландцев добил голод; хотя, как утверждает Гаррисон Солсбери, написавший удивительную книгу о блокаде, в Ленинграде всё-таки выжила одна собака — и была она сукой-ирландкой.

К счастью, из побеждённой Германии в пятидесятые годы вывезли новых ирландцев, и они снова приобрели популярность, причём не только как охотничьи, но теперь уже и как семейные собаки. Блистательная эра петербургских ирландских сеттеров закончилась — эстафету перехватила Москва. Но и теперь, заметив на улице медноблещущего пса, подойдите, загляните в его печальные глаза — и вы увидите в них отблеск дворцового бала, нежный свет осеннего утра на Павловских холмах и зарево кровавых пожарищ.

С другой стороны, «литературная» собака уже настолько плотно вошла в жизнь и быт, что она оказывается даже в таком редком для начала века положении, как полет на аэроплане. Именно про ирландца написала петербурженка Вера Инбер своё знаменитое стихотворение «Сеттер Джек».

Вера Инбер с такой

Михаил Пришвин с сеттером

*Пришли весной. Воздушный причал / Был бессолнечно-сер.
Хозяин надел шлем и сказал: / «Сядьте и вы, сэр!»
Джек вздохнул, почесал бок, / Сел, облизнулся, и в путь!
Взглянул вниз и больше не смог, — / Такая напала жуть.
«Земля бежит от меня так, / Будто я её съем.
Люди не крупнее собак, / А собак не видно совсем».
Хозяин смеётся. Джек смущён / И думает: «Я свинья:
Если это может он, / Значит, могу и я».
После чего спокойнее стал / И, повизгивая слегка,
Только судорожно зевал / И лаял на облака.*

Концовка же этого известного стихотворения уже окончательно уравнивает собаку и человека даже в смерти: «И люди сказали: / Был пёс, а умер, как человек».

Революция перечеркнула все достижения русской литературы в отношении собак (в России остался, пожалуй, один Михаил Пришвин), многое потом пришлось восстанавливать заново. И, надо сказать, литература советская добилась в этом отношении многого, внося ранее не существовавшие мотивы.

Тайна Милорда

В исследованиях жизни Александра II постоянно упоминается его любимый сеттер Милорд. Тем не менее, относительно того, что это был сеттер, а тем более — ирландский, следует всё же оговориться. По материалам ЦГИА удалось выяснить следующую картину.

Милорд в кругу семьи

Занимаясь немало историей императорских собак, я всегда смущалась неким странным противоречием в отношении Милорда — известного пса Александра II. Вроде бы, сеттер — но тогда какой? Или нечистокровный — тогда кто же? В письме С.В. Пенского к Л.П. Сабанееву сохранилось его описание: «Это была очень крупная и весьма красивая комнатная собака, с прекрасной головой, хорошо одетая, но сеттериного типа в ней было мало; к тому же ноги были слишком длинные и одна из них совершенно белая».

Впрочем, разговор о чистокровности сеттера вряд ли мог вестись в те времена. Если не считать древнеирландского *modder rhu* — красной собаки, и английского *setting dog* — лежачей, окончательный стандарт, определяющий сеттеров, был принят лишь в 1885 году.

Главная загадка заключалась в том, что в одних источниках датой его смерти объявлялся 1867 год, причиной — тоска по уехавшему на выставку в Париж хозяину, местом упокоения — Детский остров в Царском селе, а слова на могильной плите гласили: «Добрейшему, милейшему, верному Милорду. 1860–1867». Другие же называли датой 1887 год, причиной — старость, могила находилась в Ницце, а надпись на ней говорила просто о любимой собаке императора Александра Освободителя. Были и воспоминания о том, как Милорд выл, когда смертельно раненого царя вносили в Зимний. По всей видимости, Милорд был не один.

Попробуем разобраться. 2 марта 1860 года на Лисинской казённой даче производитель императорских охот штабс-капитан Гауэншильд подвёл государю *большую чёрную собаку*. Ни происхождения, ни иных сведений о ней на Даче не сохранилось, однако пёс стал тенью царя и послужил источником множества рассказов. В них он фигурирует именно как *большая чёрная собака*. Так, например, известный легашатник Пенский в 1866 году описывает Милорда как *большую чёрную*, хорошо одетую комнатную собаку, в которой сеттериного было совсем мало, а одна из ног совершенно белая. Государь тем не менее обожал своего питомца, что отразилось даже на награде, полученной Гауэншильдом. Летом 1860 года между министром двора Адлербергом и обер-егерем Ферзеном возникает переписка по поводу того, что кто-то не так давно подвёл императору уже натасканную *большую чёрную собаку* — срочно узнать, кто это был и в какую сумму оценить его подарок. Жест Гауэншильда был оценён в бриллиантовый перстень с изумрудами и 300 рублей денег, сумму по тем временам немалую. Собак царю дарили много, но ни за одну он так не отдаривал. Несомненно, это была плата за Милорда, хотя имени

Александр II с Милордом

Александр II с любимым Милордом

его ни в одном документе так и не значится.

Но всё-таки можно попытаться отследить его происхождение, хотя бы приблизительно. В декабре 1857 года Лисинской дачей были приобретены у царской охоты три четырехосенних кобеля ростом в 75 сантиметров для кабаньей травли за 420 рублей серебром, все черной масти, с белыми ногами: Нептун, Бриган и Задир. Они в свою очередь были куплены в августе того же года герцогом Мекленбург-Шверинским в Штутгарте и Шарлоттенбурге. Скорее всего, Милорд и был сыном кого-то из них троих, поскольку щенков Дача или продавала, или восполняла ими недостающих по штату собак. Разумеется, о сеттере в списке духовых собак не идёт и речи.

После смерти первого Милорда Александр в мае 1871 года изъявляет неожиданное желание оставить на Лисинской даче для натаскивания своего щенка Милорда, что, конечно, свидетельствует о том, что второй Милорд являлся сыном первого и был дорог императору настолько, что он не отдал его в натаску ни своему личному, ни даже придворному егерю, а отослал опять «на родину». Именно этот Милорд и изображён на известной картине К. Маковского 1881 года, именно он выл, видя умирающего хозяина и именно он похоронен в Ницце, будучи вывезен туда морганатической супругой государя княгиней Юрьевской. Кстати, и у самого художника был щенок от Милорда-второго, также названный Милордом. Увы, он тоже не был никаким чистокровным гордоном, как пишет в воспоминаниях художник, поскольку никаких белых частей стандарт гордонов не допускает. Скорее, все три Милорда были ближе к ньюфаундленду, хотя и честно исполняли свои охотничьи обязанности. Как, впрочем, и дочь Милорда-первого Дора, доставшаяся Льву Толстому.